

Александра Веселова
(Санкт-Петербург)

**КАРАМЗИНСКИЙ КОД
В РОМАНЕ В. В. СИПОВСКОГО
«ПУТЕШЕСТВИЕ ЭРАСТА КРУТОЛОБОВА»**

Проанализирован роман русского и советского филолога В. В. Сиповского «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия» (1929) с точки зрения отражения в нем литературоведческих концепций автора. Акцент сделан на фигуре Н. М. Карамзина – ключевой, по мнению Сиповского, для русской литературы XVIII и XIX столетий, так как Карамзин сумел совместить принадлежность к разным, в том числе противоборствующим, литературным направлениям. Роман Сиповского в пародийной форме иллюстрирует отражение литературной борьбы идеализма и реализма в общественной жизни начала XIX века и роль сентиментализма и его создателя Карамзина в истории развития русской литературы.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, В. В. Сиповский, роман-путешествие, русская литература XVIII – XX веков, сентиментализм, идеализм.

Василий Васильевич Сиповский, русский и советский филолог, внес значительный вклад в изучение литературного творчества Карамзина. Он был редактором первого самостоятельного издания «Записки о древней и новой России» [3], а также первого тома собрания сочинений Карамзина, который вышел в 1917 году [4]. Продолжению этого издания, очевидно, помешали политические события, происходившие в стране. Наконец, Сиповский является автором первой монографии, целиком посвященной «Письмам русского путешественника» [10]. В этой книге Сиповский проделал работу, которая до сих пор определяет основные направления исследования «Писем...»: сравнил все редакции текста, изданные при жизни Карамзина, и установил ряд источников, на которые он опирался в



своей работе. Именно Сиповский первым поставил вопрос о дистанции между реальным Карамзиным и литературным образом путешественника, а также о роли вымысла и художественного воплощения литературной традиции в «Письмах...».

О том, что Сиповский высоко ценил Карамзина, свидетельствует и та роль, которую он отводил Карамзину в своих курсах по истории русской словесности и теории литературы [11–15; 17]. Оставаясь, по выражению В.Н. Перетца, «последовательным эволюционистом» [8], то есть представляя развитие литературы прежде всего как противоборство направлений, Сиповский выделял в русской словесности XVIII–XIX веков четыре таких направления: классицизм, сентиментализм, народничество и реализм. Творчество Карамзина он относил сразу к трем: с точки зрения Сиповского, Карамзин проявляет себя как сентименталист в своей ранней прозе и поэзии, как народник в поэме «Илья Муромец» и как реалист в «Истории государства Российского» и публицистике. Творчество Карамзина Сиповский считал первым примером литературного синтеза, так как от вторичной, по его мнению, псевдоклассицистической литературы первой половины XVIII века сентиментализм, с его пристальным вниманием к чувствам и человеческой личности, был шагом к реализму. И в то же время Карамзин одним из первых почувствовал потенциал русского фольклора и поэтому может быть назван среди первых писателей – *народников*. Более поздние произведения Карамзина, то есть «Историю...» и публицистические статьи, Сиповский уже относил к реализму безоговорочно [12, с. 76–90; 13; 15, с. 382–385].

При этом Сиповский рассматривал реализм не только как литературное направление, но и как специфическое мировоззрение, противопоставленное идеализму, появившемуся на русской почве под западноевропейским влиянием и в определенный момент сыгравшему прогрессивную роль, но в дальнейшем притормозившему литературную эволюцию. Идеализм Сиповский понимал как повышенное внимание к миру идей – в противовес обращенности к реальной действительности. В плане идей он видел развитие русской литературы как постоянную борьбу идеализма и реализма: в архиве Сиповского хранится неопубликованная статья, которая называется «Борьба идеализма и реализма в русской литературе» [17]. Карамзина исследователь считал идеалистом, но отличающимся «сознательным стремлением к реализму творчества» [10, с. 477].

Выстраивая эволюционную историю русской литературы, Сиповский делает фигуру Карамзина определяющей преемственность раз-



вития русской *словесности* и превращении ее в собственно *литературу*: «Карамзин, вышедши из надежд и разочарования XVIII столетия, в такой же мере близок к творчеству начала XIX столетия. Он — звено, связующее два великих столетия» [15, с. 385].

Поэтому неудивительно, что когда Сиповский обратился к написанию произведения на литературном материале, он отвел в этом романе ведущую роль аллюзиям на творчество Карамзина и его последователей. Собственным литературным творчеством Сиповский занимался всегда: в юности он писал стихи, потом публиковал под разными псевдонимами фантастические рассказы, в его архиве хранится несколько пьес, одна из которых частично напечатана [2]. В конце жизни он опубликовал под псевдонимом *В. Новодворский* два романа: один приключенческий, в духе Фенимора Купера и Джека Лондона, об освоении Аляски, а второй «из русской жизни начала XIX столетия» — «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» [5—7 (последнее, комментированное издание)].

Этот роман, являющийся предметом рассмотрения в данной статье, представляет собой своеобразную литературную игру. Как видно из названия, он отсылает к традиции литературных путешествий, а действие в нем происходит в первой трети XIX века. Главный герой романа, дворянский недоросль Эраст, прямой правнук писателя-сентименталиста князя Петра Шаликова по материнской линии, по настоянию матери отправляется в путешествие, доезжает до Петербурга, улетает оттуда на воздушном шаре и попадает на Украину, где его насильно женят. В итоге Эраст вынужден инсценировать собственное самоубийство и бежать от супруги. Заканчивается роман тем, что Эраст читает «Путешествие в Малороссию» Шаликова и приходит к выводу, что оно не имеет ничего общего с действительностью.

Главный герой романа Эраст носит имя героя «Бедной Лизы», которого Сиповский называл «типичным дворянчиком конца XVIII столетия» [17, л. 18]. Его грубоватый отец Степан Крутолобов откровенно намекает случайно заехавшему к ним в усадьбу гостю, что Эраст не столь невинен, как видится его матери, и неспроста регулярно навещает девиц. То есть его отношения с крестьянками строятся скорее в духе фонвизинского Митрофана, чем в стиле карамзинского героя. Зато «возвышенность» в полной мере присуща его матери. Она носит имя Лукерья, но предпочитает, чтобы ее называли Гликерией (многие героини романа имеют такие двойные имена: мужа Гликерия Анемподистовна называет Стефаном, девку Палашку — мамзель Пелажи, проезжий помещик на постоялом дворе представляет свою дочь Эме,



то есть Любовь, и т.д.). Мать Эраста очень чувствительна, постоянно падает в обморок, страдает по ночам от лунных эффектов, знает наизусть множество чужих стихов и пишет свои. Литературные вкусы Крутоловой характеризуют ее достаточно ярко:

Она возмущалась при одном «ужасном» имени Жорж Санда и не выносила «грязного» Бальзака. Она была воспитана на сочинениях Н.М. Карамзина и из «новых» допускала Августа Лафонтена, Дюкре-Дюмениля, отчасти Радклиф, и из русских – Жуковского. Имена Байрона и Пушкина вызывали нервную дрожь в ее плечах [7, с. 48].

Мать главного героя также регулярно навещает могилу местного Вертера, которому, по выражению ее мужа, «парни за девку давно башку прошибли» [7, с. 59]. Отправляя своего сына в путешествие, Крутолова дает французу-гувернеру наставление цитировать при всяком удобном случае роман Франсуа Фенелона «Телемак» и при этом выражает надежду, что граф-Ментор поможет своему Телемаку написать дневник путешествия в духе Лоренса Стерна (пытаясь читать Стерна в пути, француз тут же прикусил себе язык и, выругавшись, замолчал, а доехав до Москвы, и вовсе сбежал). При подготовке путешествия, которое сопровождается продажей партии крепостных, Крутолова также упоминает «Путешествие Анахарсиса» Ж.-Ж. Бартеlemi и вольтеровского «Кандида», то есть смешивает несколько типов путешествий и литературных героев.

Эраст, как выясняется в ходе повествования, все же не лишен идеализма и стремится соответствовать амплу sentimentalного путешественника. Следуя заветам своего прадеда князя Шаликова, писавшего что «обстоятельство, почти ничего не значущее в другом случае, в путешествии может быть весьма приятно, интересно» [18, с. 10], Эраст сочиняет несколько sentimentalных повестей. Сюжет первой – «Угнетенная невинность, или Бедная Палаша, гусаром похищенная» (отсылающей к переведенному на русский язык роману Г. Бевиуса «Генриетта, или Гусарское похищение») – зародился в результате того, что проезжий улан случайно увел на постоялом дворе крутоловских лошадей вместе с девкой Палашкой, которую везли в подарок московским родственникам. И то и другое, впрочем, поутру вернули. Второй сюжет – «Бедная Полина, или Жертва родительского принуждения» – возник во время пребывания Эраста в Москве, после того как его кузину Полину родители уговорили выйти замуж за богатого старика. Материалом для третьего сюжета послужил рассказ мещанки, ехавшей вместе с Эрастом в дилижансе из Москвы в Петербург. Она везла быв-



шему возлюбленному, который, по слухам, овдовел, куст герани, выросший из подаренной им когда-то веточки. Встретив Эраста через несколько дней в Петербурге, мещанка сообщила ему, что ее герой уже успел опять жениться и куст признать отказался. Наконец последний сюжет основывался на эпизоде насильной женитьбы Эраста и должен был называться «Самоубийство от чувствительности». Первые три сюжета имитируют неразвернутые вставные новеллы, характерные элементы травелогов; последний же особенно интересен тем, что демонстрирует способность Эраста к восприятию собственной жизни в литературных категориях.

В монографии, посвященной «Письмам русского путешественника», Сиповский отмечает, что сентиментальным путешественникам присуще стремление «перечувствовать то, что чувствовали учителя» [10, с. 240]. Это свойство героя путешествия вполне воплощено в образе Эраста Крутолобова. Но Эраст читает не только то, что дала ему мать, но и то, что прячет от него в сундуке его французский гувернер, то есть авантюрные романы. Поэтому в ходе путешествия он многократно попадает в различные авантюры, из которых неизменно благополучно выпутывается: проигрывает в карты, но вовремя уносит ноги; напивается, но добирается до дома; тонет в лодке, но оказывается на острове и т. д. Его спасителем часто оказывается крепостной Фролка, по многим характеристиками соотносимый с ла Флером, слугой Йорика из «Сентиментального путешествия» Стерна.

Таким образом, Гликерия Крутолобова и ее сын Эраст представлены Сиповским как носители книжного сознания — по его выражению, «присяжные чтецы романов» [11, с. 2], постоянно ожидающие реализации в жизни литературных сюжетов и потому часто испытывающие разочарование. Их образы безусловно комичны, и этот комический эффект всегда возникает в моменты, когда крайний идеализм позднего сентиментализма входит в противоречие с реальностью, точнее материалом, взятым Сиповским из реалистической, в его системе, литературы. Муж Крутолобовой и отец Эраста ведет свое происхождение от «князей Пошехонских», что отсылает читателя к роману Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина». В частности, описание герба Крутолобовых: «три сосны и некто, в оных соснах заблудшийся» — напоминает о примечании к заглавию «Пошехонской старины»: «Прошу читателя не принимать Пошехонья буквально. Я разумею под этим названием вообще местность, аборигены которой, по меткому выражению русских присловий, в трех соснах заблудиться способны...» [9, с. 7]. Фамилия *Крутоболов* перекликается с фамилией героя одного из первых произведений Квитки-Основьяненко «Жизнь и по-



хождения Петра *Пустолобова*», которое позже было переработано и стало основой для самого известного романа Квитки «Пан Халявский». Оттуда же взяты и некоторые черты Степана Семеновича Крутолобова: он алкоголик, и его страстью, или, по выражению Сиповского, «маньячеством», является изготовление водочных настоек, которым он дает разные названия: «Сильвуплэ», «Клопшток», «Мир Европы» или «Чем я тебя огорчила?» Любое столкновение мужа с женой описано как принципиальная несовместимость двух мировоззрений, создающая комический эффект. Например, когда Гликерия притворно падает в обморок от грубых выражений мужа, он принимает это всерьез и льет ей на голову настойку «Ерофеич», от чего она тут же вскакивает и с криком «Дурак!» убегает. Между Сциллой и Харибдой этих двух систем ценностей попадает несчастный проезжий дворянин Чухломин, который быстро теряет весь свой столичный лоск, потому что его постоянно караулит кто-то из супругов, и он вынужден или пить с хозяином, или с похмелья выслушивать сентиментальные и слезливые рассуждения хозяйки.

Во время путешествия Эраст останавливается в семье своих родственников Епанчовых, по составу и многим чертам напоминающих семью Епанчиных в романе Достоевского «Идиот». Епанчовы откровенно, хотя и беззлобно, смеются над Эрастом, и апофеозом комического здесь становится сцена, в которой он читает свою чувствительную повесть о похищенной гусаром Палаше и в доказательство правдивости своей истории зовет с кухни саму «угнетенную невинность» в грязном переднике и с мокрыми руками.

Сентиментальный стиль в романе также подвергается откровенному пародированию в столкновении с реалистическим. Так, письмо, которое пишет Крутолобова столичным родственникам, наполнено сентиментальными воспоминаниями, выписками из дневника и соответствующих сочинений. Но вместе с письмом родственникам посылается крепостная девка Палашка «в презент», а также гуси и поросята, о чем упоминается в постскриптуме. Такое смешение книжного и реального, то есть сентиментального и реалистического, привычное для Крутолобовой, вызывает комическое недоумение ее московской двоюродной сестры:

Что такое? – заговорила она вслух. – Решительно ничего не понимаю!.. Телемак? Ментор?.. Эраст... «чувствительный путешественник»... белям... слезы умиления... сладостные мечты... цветы граций... девка Палашка... гуси и поросята... *Glycere de Kroutoloboff, nee princesse de Chalikoff*, что за bavardage? [7, с. 113]



Прочитав письмо, Епанчова, не без оттенка сожаления, восклицает: «Ах, как она отстала! Какие в наше время "чувствительные путешественники!"» [7, с. 119].

В романе появляется и еще один «карамзинский» персонаж, уже второстепенный. В саду Излера в Петербурге, ожидая запуска воздушного шара, Эраст встречает юношу Лиодора, который обнаруживает, по выражению Сиповского, «настроения вертеровского пошиба» [13, с. 93] и цитирует предсмертные стихи Ленского. Этот образ – прекрасная иллюстрация тезиса Сиповского о Пушкине как прямом наследнике Карамзина, с одной стороны, и его же характеристики раннего Карамзина как относящегося к типу Ленского. Подробнее реминисценции в романе Сиповского из многих произведений русской и зарубежной литературы рассмотрены в предисловии к последнему изданию его романов и в специальных статьях [1; 7, предисл.].

Написание такого романа имело для Сиповского личную значимость. В известном смысле он – трагическая фигура в отечественной филологии, а по воспоминаниям современников, и мрачная. Он ненавидел преподавание, но всю жизнь читал лекции и писал учебники, которые обеспечили ему и известность, и материальное благополучие. Сиповский проповедовал первостепенную необходимость создания теории литературы и вошел в историю науки как составитель больших исторических обзоров. Наконец, он всегда говорил о том, что нужно прежде всего заниматься современностью (и даже написал брошюру о пролетарской поэзии, в которой отметил много идеалистических черт [16]), но в сознании современников остался ретроградом и пережитком прошлого. Всю жизнь, за исключением двух лет, проведенных в Баку, Сиповский работал в Петербургском-Петроградском-Ленинградском университете. И к началу 1930-х годов, окруженный уже новыми поколениями преподавателей и студентов, он чувствовал настоятельную необходимость в реабилитации идеализма в литературе, впервые обратившего внимание на человека и его внутренний мир. «Путешествие Эраста Крутолобова» – это попытка представить новому читателю в смешной и увлекательной форме, во-первых, быт того времени, а во-вторых, процесс становления литературы, борьбу направлений и стилей.

Мать Эраста – поклонница не столько Карамзина, сколько его эпигонов. Но Эраст, с его жизнелюбием, непосредственным интересом к жизни и настоящей, не притворной чувствительностью – типичный карамзинский герой, которого, как и чувствительного путешественника «Писем русского путешественника», отличает «жизнерадост-



ность», «наивность» и «простодушие» (10, с. 477–478). И не случайно Эраст благополучно выпутывается из всех передряг, демонстрируя поразительную живучесть. Сиповский хотел показать на его примере, скольким русская литература обязана Карамзину и насколько она от него зависит. Создав роман, в пародийной форме показывающий, как литературная борьба идеализма и реализма отразилась в общественной жизни начала XIX века, Сиповский продемонстрировал роль идеализма и сентиментализма в истории развития русской литературы в обратной перспективе — через Пушкина, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, — еще раз подчеркнув значение Карамзина и созданного им направления.

Список литературы

1. *Веселова А. Ю.* Роман В. Новодворского (В. В. Сиповского) «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия» и русская литература XVIII–XIX веков // *Русская литература.* 2001. №2. С. 107–115.
2. *Веселова А. Ю.* Пьеса В. В. Сиповского о писателе-народнике // *Homo Universitatis. Памяти Аскольда Борисовича Муратова (1937–2005): сборник статей.* СПб., 2009. С. 230–255.
3. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914.
4. *Карамзин Н. М.* Сочинения Карамзина. Т. 1. Пг., 1917.
5. *Новодворский В.* Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия. Л., 1929.
6. *Новодворский В.* Коронка в пиках до валета. Л., 1930.
7. *Новодворский В.* Романы /подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Ю. Веселовой). СПб., 2005
8. *Перетц В. Н.* Сиповский В. В. Некролог // *Известия АН СССР. Отд. общественных наук.* 1931. №3. С. 269–274.
9. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Пошехонская старина // *Полное собрание сочинений в 20 т.* Т. 15, кн. 2. М., 1973.
10. *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.
11. *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа XVIII века. Т. 1, вып. 1. СПб., 1909.
12. *Сиповский В. В.* Сокращенный курс истории русской словесности. Ч. 2. СПб., 1913.
13. *Сиповский В. В.* История русской словесности. Ч. 2. СПб., 1915.
14. *Сиповский В. В.* Историческая хрестоматия по истории русской словесности. Т. 2, вып. 1. СПб., 1916.
15. *Сиповский В. В.* Лекции по истории русской литературы. Ч. 2. Баку, 1921–1922.



16. Сиповский В. В. Поэзия народа. Пролетарская и крестьянская лирика наших дней. Пг., 1923.

17. Сиповский В. В. Борьба реализма и идеализма в русской литературе XIX века // РО ИРЛИ РАН. Архив В. В. Сиповского. Ф. 279. № 65.

18. Шаликов П. Путешествие в Малороссию. М., 1803.

Alexandra Veselova

**KARAMZIN'S CODE IN THE V. SIPOVSKY'S NOVEL
«THE JOURNEY OF ERASTUS KRUTOLOBOV...»**

The paper is analyzing the novel "The Journey Erastus Krutolobov..." (1929) by the Soviet and Russian philologist V. V. Sipovsky as a tool for explaining Sipovsky's literary concepts. Emphasis is placed on Karamzin, who Sipovsky considered a key-figure for the Russian literature of the XVIII and XIX centuries. According to Sipovsky, Karamzin managed to combine different, sometimes opposing, literary trends. Sipovsky's parodical novel illustrates the impact of literary struggle of idealism and realism of early XIXth century onto the public life and the role of Karamzin's sentimentalism in the history of Russian literature.

Key words: *N. M. Karamzin, V. V. Sipovsky, sentimental journey, Russian literature XVIII – XX century, sentimentalism, idealism.*